

UDK:811.162.3'367.626:811.161.1'367.626

**СПЕЦИФИКА ДЕЙКТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ
МЕСТОИМЕНЕНИЯ Я В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
РУССКОГО И ЧЕШСКОГО ЯЗЫКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ
ЧЕШСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА)**

Александар Талески¹

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
Пермь, Россия*

Key words: Russian language, Czech language, deixis, the pronoun *I*, political discourse, egocentrism, semantic field, Czech National Corpus.

Summary: The objective of this work is an attempt to show the specificity of deixis of personal pronoun *I* in the political discourse on the materials of the Czech National Corpus. From a semantic point of view this category attracted a lot of attention, particularly egocentrism and the functional semantic field of personality. First I want to designate the place of the personal pronoun *I* in the functional semantic field of personality, I want to show their substitutive words components with his specifics in the context of both languages translation and at the same time look at how corpus search engine identifies it.

Ключевые слова: русский язык, чешский язык, дейксис, местоимение *Я*, политический дискурс, эгоцентричность, семантическое поле, Чешский национальный корпус.

Резюме: Задача работы состоит в попытке показать специфику местоимения *Я* в политическом дискурсе на материале Чешского национального корпуса (ЧНК). В статье

¹ © Талески, А., 2016.

рассматривается эгоцентрическая семантика местоимения *Я* и обозначается его место в функционально-семантическом поле личности. Кроме того, уделяется внимание контекстуальным переводам местоимения.

Некоторые языковые явления постоянно привлекают внимание лингвистов и до сих пор остаются полностью или частично неразрешенными. Одной из таких проблем является понятие «дейксис», в котором, несмотря на то, что оно известно еще с античности, содержится много вопросов, остающихся без ответа. Процесс изучения дейксиса длится долго, причем в его изучении сочетаются как традиционные идеи, заложенные еще К.Бругманном и К.Брюлером, так и новые концепции.

Термин «дейксис» происходит от древнегреческого глагола «указывать», означая указание на элементы, на ситуации, на время и на пространство посредством жестов или при помощи языковых выражений (Виноградов, 1990: 128).

Дейксис в современной лингвистике понимается как указание на основные компоненты типичной речевой ситуации, включающие участников (говорящего и слушающего), место и время речевого акта. В соответствии с основными параметрами коммуникативного акта выделяются три категории: личный, пространственный и временной дейксис (Ерзинкян, 1978: 21).

С теорией Е.Ерзинкян согласен и А.А.Кибрик, который тоже различает три основных типа дейксиса: персональный (личный), пространственный и временной. Он подчеркивает, что центральные языковые единицы этих трех типов дейксиса представляют местоимения 1 и 2 лица – *Я* и *ТЫ*, а вместе с тем локативные и временные выражения – *ЗДЕСЬ* и *СЕЙЧАС*, репрезентирующие эгоцентрический дейктический центр, на который ориентируются участники коммуникативного акта (Кибрик: электр. ресурс).

Что касается эгоцентризма, как его понимает А.В.Кравченко, – это такие языковые явления, в основе которых лежит осуществляемое языковой формой указание относительно говорящего. Он подчеркивает, что в разряд эгоцентрических попадают практически все языковые формы, для которых в той или иной степени характерна указательность значения (Кравченко 1992: 11).

Другая классификация дейксиса предложена В.В.Виноградовым, согласно которой сфера дейксиса содержит в себе: «ролевой» дейксис, или указание на участников речевого акта (местоимения *Я, ТЫ, МОЙ, ТВОЙ*); указание на предмет речи (местоимения 3-го л.); указание на степень отдаленности объекта высказывания (указательные местоимения и частицы *ЭТОТ – ТОТ, ВОТ – ВОН*); указание на временную и пространственную локализацию сообщаемого факта, или хронотопический дейксис (местоимения *ЗДЕСЬ, СЕЙЧАС*) (Виноградов, 1990: 128).

Лингвисты уже давно поняли, что язык представляет собой общественное явление, которое зависит от истории и культуры его носителей, причем в нем отражается как конкретная культура и специфика данного народа, так и общие культурные компоненты. Бесспорно, межкультурная, межнациональная и межгосударственная коммуникация чаще всего совершается на уровне политики. Сегодня политика присутствует во всех сферах нашей жизни и несомненно ее огромное влияние. Она представляет собой совокупность речевых действий, с помощью которых политики пытаются достичь своей главной цели – добиться власти (Синеокая: электрон. ресурс).

Концепты “власть” и “политик” относятся к базовым концептам политического дискурса, у которого нет общепринятого определения. Что касается лингвистической теории, политический дискурс – это совокупность всех речевых актов, которые совершаются в политических дискуссиях, а вместе с тем и проверенные и традиционные правила публичной политики (Баранов, Казакевич, 1991: 6).

Е.И.Шейгал (Шейгал, 2000) описывает политический дискурс как “знаковое образование, имеющее два измерения – реальное и виртуальное”. Реальное измерение представляет собой текст в конкретной ситуации политического общения, а что касается виртуального измерения, оно содержит вербальные и невербальные знаки в разных сферах политической коммуникации (Шейгал, 2000: 9). Она добавляет, что политический дискурс представляет собой поле битвы между оппонентами (Там же: 233). Одним словом, можно определить политический дискурс как разновидность дискурса,

целью которого является захват, совершение и сохранение политической власти.

О.С.Иссерс подчеркивает, что “политическая власть держится на власти воздействия, на управлении людьми разных политических ориентаций, а управление осуществляется через слово” (Иссерс, 1996: 71). Она добавляет, что настоящие политики отличаются не только галстуком, но вместе с тем стратегией, способом общения и использованием особых языковых элементов. В связи с этим в данной статье мы обратим внимание на определенную семантическую категорию языка – **персональный дейксис** – и его компоненты в рамках политической речи русских и чешских политиков и политологов, точнее, мы рассмотрим специфику дейктических элементов в **политическом дискурсе**. Что касается материала исследования данной работы, им послужили параллельные публицистические тексты на обоих исследуемых языках. Прежде всего, речь идет об анализе несколько десятков обнаруженных дейктических единиц, точнее местоимений, форм лица глагола и т.п., находящихся в базе параллельного интернационального языкового и литературного корпуса «InterCorp» при ЧНК: статей, новостей, политических заявлений и комментариев и др., которые ЧНК получает с интернет-страниц Project Syndicate и VoxEurop (раньше PressEurop), которые публикуют на английском языке (Project Syndicate) и на десяти других языках. Корпус позволяет сравнивать дейктические элементы в каком-либо тексте с другим сходным текстом, главным образом, это контекст оригинального текста и его перевод на какой-либо язык, а также только переводы особого контекста без отображения оригинала. Для сбора материала использовался метод сплошной выборки.

Под дейктическими элементами мы вслед за Е.В.Падучевой понимаем такие единицы, которые выражают идентификацию объекта через его отношение к речевому акту, его участникам или контексту (Падучева, 2011: 245). Разные ученые по-разному называли дейктические элементы: “индексы“, „индексальные слова“, „индикаторы“ и т.п. Так, О.Есперсен в 1922 г. предложил понятие “шифтер“ для описания признаков языковых единиц, употребление и понимание которых зависят

от говорящего и других коммуникативных элементов и координат. В качестве наиболее характерных примеров шифтера он указывает на такие дейктические элементы, как местоимения (Jespersen, 1922: 123). Понятие шифтера позже популяризовал Р.О.Якобсон, противопоставив шифтерные и нешифтерные категории, т.е. дейктические и грамматические категории и их особенности (Кибрик: электр. ресурс).

По словам К.Бюлера, дейктическими (шифтерными) являются местоимения первого и второго лица, а что касается местоимений третьего лица, они либо дейктичны и анафоричны одновременно, либо только анафоричны (Бюлер, 1993).

Р.О.Якобсон, ссылаясь на Ч.Пирса, указывает, что ярким примером шифтера является местоимение *Я*, которое, с одной стороны, обозначает говорящего и по определенным правилам соотносится с ним, а с другой стороны – указывает на говорящего и связывается с его высказыванием, т.е. в первой ситуации оно представляет символ, а во второй – индекс (Якобсон, 1972: 98).

Э.Бенвенист указывает, что в речевом акте вокруг местоимений *Я* и *ТЫ* объединяется группа указательных слов, прежде всего, это классы местоимений, наречий, наречных выражений и т.п., которые зависят от центра личности, местоимений *Я*, *ТЫ* (Бенвенист, 1974: 287). Несомненно, такие слова в речи часто становятся заместителями личных местоимений. В работе мы будем учитывать и эти показатели.

Все вышеупомянутые языковые единицы имеют специфические свойства, как грамматические, так и семантические. Что касается местоимения *Я*, являющегося центром нашего исследования, мы ссылаясь на теории некоторых ученых, представим его особенности в контексте наших примеров для того, чтобы получить общую картину, нужную нам для сравнения полученных результатов.

Следует также отметить, что в политическом дискурсе, представленном в ЧНК, на месте личного местоимения *Я* и в русском, и в чешском языках часто используется местоимение *МЫ* (пр. 1). Оно является доминирующим.

Пр. 1. а) чеш. „...*Klimatická krize je další zdí, která nás odděluje od budoucnosti...*“

русс. „Кризис сохранения климата является новой стеной, которая отделяет нас от нашего будущего...“ (Михаил Горбачев „Еще остались стены, которые надо разрушить“, Прага 2009)

б) чеш. „*My Indové si rádi myslíme , že se naši lidé dokážou...*“

русс. „Индусы любят думать , что у нас есть...“ (Shashi Tharoor „Вечные Олимпийские неудачники Индии“, Прага 2008)

в) чеш. „*Na to , co se před námi odehrává , můžete pohlížet...*“

русс. „Развивающиеся на наших глазах события предстают...“ (Dominique Moisi „Европейские протагонисты“, Прага 2006)

Что касается особенностей местоимения Я, Б.А.Успенский (Успенский, 2012: 19) указывает на то, что оно не обладает формой мн.ч., потому что, как он говорит, мн.ч. характеризуется повторенностью, но несмотря на эту теорию, в нашей работе местоимение *МЫ* рассматривается как эквивалент местоимения Я. Однако *МЫ* можно считать лишь частичным заместителем, см. чешск. (Пр.1 б), здесь мы сталкиваемся с указанием на коллектив, в таких ситуациях нельзя употреблять местоимение Я.

Также надо указать на различия эгоцентричности в чешской и русской версиях. В чешском переводе говорящий (не исключено, что нарратор), идентифицируя себя как часть группы *Indové*, указывает на себя самого, в русском же переводе говорящий, поскольку не идентифицирует себя с группой, как бы указывает на третье лицо, хотя дальше в контексте, а вместе с тем в тексте в целом, благодаря использованию притяжательных местоимений мы понимаем, что он говорит о себе как о части этой группы: „...*свои собственные аналоги всему самому лучшему в мире в любой области: наш Калидаса может противостоять их Шекспиру, наш Рамануджан их Эйнштейну...*“.

Поскольку в этом примере нет отсылки к полному тексту, нам трудно определить, идет ли речь о говорящем в качестве свидетеля, наблюдателя или в качестве рассказчика. Только по

контексту мы можем определить, является ли субъект речи одновременно говорящим и дейктическим центром или только рассказчиком. Однако мы можем заметить, что другим способом выражения персонального дейксиса являются притяжательные местоимения, причем не исключается их употребление в качестве дейктического слова-заместителя. А.В.Бондарко (Бондарко, 2002) относит их к промежуточной зоне между центром и периферией поля персональности.

Что касается самоидентификации говорящего в качестве части некоторой группы, то мы можем увидеть это в примере 2 (Пр. 2), где говорящий использует идиоматическую конструкцию „*Мы, нижеподписавшиеся...*“. Здесь мы можем говорить об указании на группу, в которую входит говорящий, а кроме того, не исключено, что местоимение *МЫ* можно отнести к нему самому.

Пр 2. чеш. „*My níže podepsaní jsme přesvědčeni, že EU se jako jedna z hnacích sil mezinárodní politiky musí jednohlasně vyslovit proti vládám utlačujícím své vlastní občany*“.

русс. „*Мы, нижеподписавшиеся, считаем, что ЕС, как одна из движущих сил международной политики, должен единогласно высказаться против правительств, угнетающих своих собственных граждан*“ (Václav Havel et al. „Evropa potřebuje solidaritu s Kubou“, Прага 2008)

Б.А.Успенский подчеркивает, что конструкция „*Мы, нижеподписавшиеся...*“ в контексте может означать совокупность людей, где каждый член заявляет о себе не как об отдельной личности (*Я*), но как о личности, объединенной с другими, и тем самым представляет себя как *Я + ОН/ОНА, Я + ОНИ*, не исключено и *МЫ + МЫ*. Поскольку в данном примере речь идет об авторах, то нам становится ясно, что это указание на *Я + ОНИ, но почему бы не Я + МЫ* (Успенский, 2012: 70).

Особо остановимся на отнесении притяжательных местоимений к персональному дейксису. Следует сказать, что они связывают предмет, лицо или явление, о которых идет речь, с одним из участников акта коммуникации. Когда речь идет об указании с помощью личных местоимений, оно является непосредственным, а что касается притяжательных местоимений, посессивность указывает на значение принадлежности одному из актуальных или будущих

участников ситуации. Иными словами, эти языковые единицы представляют отсылку (анафору) к определенному антецеденту. Обладателя принято называть посессором, а обладаемое – коррелятом посессивного отношения. Чтобы речь шла о дейктическом выражении с помощью притяжательных местоимений, необходимо существование посессора в процессе общения (Кругосвет: электронный ресурс).

Это можно наблюдать в последней части русского примера (Пр.1 в)), где в отличие от чешской версии, указание на лицо совершается опосредованно, с помощью притяжательного местоимения *наши*, что четко определяет посессора данного отношения, который в чешском эквиваленте выражается местоимением *МЫ*. Кроме того, можно заметить, что в примере 3 (Пр. 3.) притяжательное местоимение *МОЯ* (*MÁ*), с одной стороны, выражает коррелентные отношения, а с другой – указывает на посессора, которым, как видно из контекста, является говорящий. Иными словами, данные притяжательные местоимения коррелируют с личными местоимениями, а вместе с тем выражают отношение к единственному референту².

Пр. 3. чеш.: „*Narodilo se nám dítě a z³ Uzbekistánu se k[♦] nám přestěhovala má matka.*“

русс.: „*У нас родился ребенок, и моя мать переехала к нам из Узбекистана.*“ (Oybek Jamoldinivich Jabbarov „*Дома в Заливе Гуантанамо*“, Прага 2009).

Кроме притяжательного местоимения, в примере встречается и местоимение *МЫ*, которое тоже указывает на говорящего, но в качестве члена одной группы. Таким образом,

² В науке о языке существуют такие теории о референции, как семантическая, номинативная и дейктическая. В каждой из этих теорий референция выполняет разные функции. Важная для нашей работы – это дейктическая теория, в которой, по словам Н.Д. Арутюновой (Арутюнова, 1982: 19), основа референции состоит в указании на предмет, и с этим могут быть связаны все другие способы соотношения слова и предмета действительности. Арутюнова (определяет референцию как „отношение актуализованного, включенного в речь имени или именного выражения (именной группы) к объектам действительности“ (там же: 6).

³ Данный символ “[♦]” мы встречаем в контексте Чешского народного корпуса и не можем с уверенностью сказать, что он обозначает.

оба местоимения указывают на один субъект, но притяжательное местоимение его выделяет из группы, т.е. показывает на него как на посессора.

Что касается местоимений, Э.Бенвенист в своей работе «Общая лингвистика» (1972) говорит об их универсальности, указывает, что во всех языках они распределяются по таким категориям, как личные, указательные и т.д. Он подчеркивает, что местоимения не составляют единого класса, а образуют различные роды и виды, разделяясь на группы в зависимости от синтаксиса и от речевых актов. Он определяет, что „Я значит человек, который производит данный речевой акт, содержащий Я“, т.е. оно действительно только в том единовременном речевом акте, в котором производится“. Одним словом, обращение Я к ТЫ всегда уникально (Бенвенист, 1972: 286).

Пр. 4. чеш.: „*Já jsem seděl až na konci stolu a jejich hovoru jsem nevěnoval pozornos.*“

рус.: „Я сидел в конце стола, не обращая внимания на их разговор.“ (Сергей Хрущев „The Making of Sputnik“, Прага, 2007).

Как видно из примера (Пр. 4.), говорящий указывает на себя в определенном времени в актуальном речевом акте.

По словам Б.А.Успенского, дейкисис всегда стремится указать на лицо, причем, когда речь идет о диалоге, это лицо всегда является один из участников коммуникативного акта. Он говорит, что местоимение Я обозначает актуального говорящего в актуальном дискурсе, так сказать, указывает на того, кто говорит. Другими словами, местоимение Я является отправной точкой высказывания и находится в центре координации (Успенский, 2011: 5). „Я – это тот, кто говорит Я, т.е. тот, кто обозначает себя таким образом, – тот, кто порождает или же способен породить текст, содержащий само это местоимение“ (Успенский, 2012: 15).

Еще одна специфика личного местоимения Я, на которую указывает А.В.Бондарко, – это его роль в качестве ядра грамматического центра поля персональности. Таким образом, оно представляет центральную сферу семантики персональности. Оно исключает неучастие в речевом акте.

Дальше добавляет, что реальное *Я* отражается, прежде всего, в системе глагольных и местоименных форм лица (Бондарко, 2002: 560-570).

Е.В.Падучева в своих «Семантических исследованиях» (2011) соглашается с мнениями А.В.Бондарко и Э.Бенвениста о семантической уникальности первого лица в качестве центра личности, эгоцентрика. С другой стороны, в своей работе «Режим интерпретации как контекст, снимающий неоднозначность» (Падучева, 2008: электр. ресурс) она указывает на их дейктическую гибкость в зависимости от режима интерпретации в нарративе, причем приводит примеры, на базе которых показывает, что режим интерпретации является важным фактором, который определяет динамическую семантику эгоцентрического элемента. Это мы можем заметить в примерах 4 и 5 (Пр. 4, 5):

Пр. 5. чеш.: „*Jeden společný přítel se mě po léta snažil s generálem Királym seznámit, ale k mé lítosti ke schůzce nikdy nedošlo.*“

русс.: „*За эти годы общий друг часто пытался представить меня генералу Кирай, но, к моему сожалению, встреча никогда не случилась.*“ (Нина Хрущёва „Двое похорон и наша свобода“, Прага, 2009).

Несомненно, примеры 4 и 5 (Пр. 4, 5) подтверждают тезис, что когда речь идет о политическом дискурсе, то говорящий, используя местоимения 1-го лица в соответствующем падеже, всегда обозначает эгоцентрика дейксиса.

Относительно личного местоимения *Я* и его формы мн.ч. *МЫ* нам известно, что вместе со вторым лицом (*ТЫ* или *ВЫ*), третьим лицом (*ОН*, *ОНА*, *ОНО* или *ОНИ*), а вместе с тем и с притяжательными, и возвратными местоимениями они являются средством выражения персонального дейксиса. В разговоре *Я* и *ТЫ* могут обратиться друг к другу. Это зависит от того, кто входит в дейктический центр. И, как мы уже отметили выше, ссылаясь на Кибрика и других ученых, дейктические элементы могут выражаться другими способами, т.е. отдельными лексемами, а в том числе и могут быть

связанными аффиксами в составе других слов (глаголов, наречий и т.п.).

В связи с этим М.А.Шелякин (Шелякин, 1986: 13) указывает на то, что в некоторых речевых ситуациях (ситуация пересказа) субъект речи может быть выражен местоимением третьего лица, которое, по мнению многих ученых, находится на так называемой периферии поля персональности, пр.: *Студент сказал, что он уже сдал экзамен по русскому языку.* Часто встречаемся с подобными ситуациями в политическом дискурсе:

Пр. 6. чеш.: *„Když Chruščov umožnil vydání Jednoho dne Ivana Děnísoviče, věděl, že podkopává celou dosavadní sovětskou éru.“*

русс.: *„Разрешая публикацию «Одного дня в жизни Ивана Денисовича», Хрущев знал, что он делал подкоп под всю советскую эпоху до самого последнего момента“* (Н. Хрущёва „Пророк и комиссары“, Прага, 2008).

Кроме того, из примера 6 (Пр. 6.) видно, что местоимение 3-го лица встречается только в русской версии перевода, а что касается чешской, дейксис выражен с помощью аффикса *á* в глаголе *podkopává*. Речь идет об особенности чешского языка, о сведении к минимуму использования личных местоимений, дейктическую функцию выполняют глагольные аффиксы.

Употребление личного местоимения *Я* в речи тоже имеет свои особенности. Б.А.Успенский указывает, что когда *Я* используется другим говорящим, всегда изменяется смысл. Исключение – цитирование текста, в котором отсутствует актуальный говорящий.

В политическом дискурсе часто сталкиваемся с цитированием. Таким образом, в примере 7 (Пр. 7.) видно, что смысл местоимения остается понятным из контекста, и его дейктическая функция сохраняет свои основные черты.

Пр. 7. чеш.: *„Jak napsal Solženicyn ve svých pamětech Dub a tele, „ ještě v roce 1966 mi [Chruščov] zaslal novoročenku - což mě ohromilo, protože jsem stál na pokraji zatčení.“*

русс.: *„Как Солженицын писал в своих мемуарах «Дуб и теленок»: «в 1966 году он [Хрущев] прислал мне поздравления*

на Новый Год, что **меня** крайне удивило, так как **я** был на грани ареста“ (Н. Хрущёва – „Пророк и комиссары“, Прага 2008).

Что касается изменения смысла местоимения *Я*, мы в примере 8 (Пр. 8.) встретились с ситуацией, в которой местоимение *Я* указывает на разные субъекты. Здесь *Я* характеризуется способностью заменять остальные личные местоимения, а вместе с тем объединяет в себе их дейктическую специфику. Таким образом, *Я* (*Я*) может быть *ОН* (*ОН*), *ТЫ* (*ТЫ*), *МЫ* (*МЫ*) и т.д.:

Пр. 8. чеш.: „*Je to synonymum nového počátku , nové naděje, pravidla „lepšího já“, které existuje v nás všech.*“

русс.: „*Это синоним новых начинаний, новой надежды, правила самосовершенствования, которые существуют в каждом из нас.*“ (Vladimír Špidla – „Европа jako úkol“, Прага, 2004).

В заключение можем заметить, что в политическом дискурсе на базе материалов текстов чешских и русских политиков, политологов и т.д. в параллельном интернациональном языковом и литературном корпусе «InterCorp» при ЧНК, использование местоимения *Я* является довольно ограниченным. Прежде всего, мы заметили, что в качестве его заместителя поисковая система ЧНК показала нам его множественный эквивалент – местоимение *МЫ*. Это естественно для подобных текстов, поскольку политики всегда выступают в роли представителей какой-либо группы. Кроме того, в политическом дискурсе часто встречается авторское *МЫ*. Использование личных местоимений характерно для русского политического дискурса, в то время как в чешском языке преобладает личная форма глаголов.

Можем заметить, что в качестве дейктического заместителя местоимения *Я*, кроме личных окончаний глагола, используются и притяжательные местоимения, которые указывают на принадлежность одному из актуальных или будущих участников речевой ситуации.

В политическом дискурсе мы встретились и с использованием местоимения *Я* в цитатах, причем в большинстве случаев оно сохраняет свои основные дейктические черты, но в прим. 8 у него обнаруживается способность указывать на любой субъект, а вместе с тем оно может заменять любое личное местоимение.

Литература:

- Арсланова, Елена Рафгатовна. 2009. Функционирование дейксиса при реализации информационно-интерпретационной стратегии в немецкой политической речи. В: *Вестник Челябинского государственного университета*. № 17. Челябинск. С. 18–21.
- Арутюнова, Нина Давидовна. 1982. Лингвистические проблемы референции. В: *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 13. Москва. С. 5–40.
- Баранов, Анатолий Николаевич; Казакевич, Елена Георгиевна. 1991. *Парламентские дебаты: традиции и новации*. Москва: Знание.
- Бенвенист, Эмиль. 1974. *Общая лингвистика*. Москва: Издательство «Прогресс».
- Бондарко, Александр Владимирович. 2002. *Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка*. Москва: Рос. академия наук. Ин-т лингвистических исследований. Языки славянской культуры (Studia philologica).
- Бюлер, Карл. 1993. *Теория языка: Репрезентативная функция языка*. Москва: Прогресс.
- Виноградов, Виктор Алексеевич. 1990. Дейксис. В: *Лингвистический энциклопедический словарь*. Гл. ред. В.Н.Ярцева. Москва: Сов. энциклопедия. С. 128.
- Ерзинкян, Елена. 1978. Временной дейксис в семантике разных частей речи. В: *Вестн. общ. наук АН Армении*. № 2. СССР. Ереван. С. 21–32.
- Есперсен, Отто. 1958. *Философия грамматики*. Москва: Изд-во иностр. лит-ры.
- Иссерс, Оксана Сергеевна. 1996. Что говорят политики, чтобы нравиться своему народу. В: *Вестн. Ом. ун-та*. Вып. 1. Омск. С. 71–74.
- Падучева, Елена Викторовна. 2008. *Режим интерпретации как контекст, снимающий неоднозначность* URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2008/materials/html/64.htm> (дата обращения 25 августа 2016).
- Падучева, Елена Викторовна. 2011. *Семантические исследования. Семантика времени и вида. Семантика нарратива*. Москва: Школа «Языки русской культуры».
- Синеокая, Н.А. 2012. *Характеристика политического дискурса*. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7695> (дата обращения 20 августа 2016).
- Кибрик, Андрей. *Дейксис*. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DEKSIS.html?page=0,0 (дата обращения: 18 июля 2016).

- Кравченко, Александр Васильевич. 1992. *Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Дейкитичность. Индексальность*. Иркутск: Изд-во. Иркутского ун-та.
- Успенский, Борис Андреевич. 2011. Дейксис и вторичный семиозис в языке. В: *Вопросы языкознания*. №2. Москва. С. 3–30.
- Успенский, Борис Андреевич. 2012. *Ego Loquens: Язык и коммуникационное пространство*. Изд.2, испр.и доп. Москва: Российский государственный гуманитарный университет.
- Шейгал, Елена Иосифовна. 2000. *Семиотика политического дискурса*. URL: <http://irbis.amursu.ru/DigitalLibrary/EBD/10.02.00/020004014.pdf> (дата обращения 15 августа 2016).
- Шелякин, Михаил Алексеевич. 1986. *Русские местоимения: (Значение, грамматические формы, употребление)*. Тарту. Изд-во ТГУ.
- Якобсон, Роман Осипович. 1957/1972 (перевод). Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. В: *Принципы типологического анализа языков различного строя*. Москва: Наука. С. 95–113.
- Jespersen, Otto. 1922. *Language, Its Nature, Development and Origin*. New York.
- Посеивность* URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/POSESSI_VNOST.html?page=0,0 (дата обращения 19 августа 2016).